

Pontus Septentrionalis III

А. И. Иванчик
Накануне колонизации

A. I. Ivantchik
Am Vorabend der Kolonisation

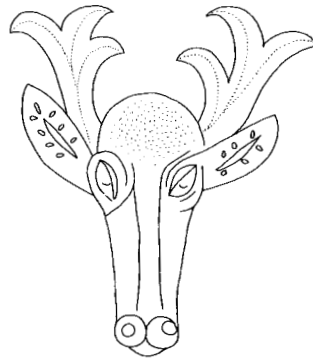
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
INSTITUT FÜR ALLGEMEINE GESCHICHTE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
ZENTRUM FÜR VERGLEICHENDE ERFORSCHUNG DER ALTEN ZIVILISATIONEN

PONTUS SEPTENTRIONALIS III

Herausgegeben von

Tat'jana Arsen'eva, Burkhard Böttger, Jochen Fornasier, Askold Ivantchik

WISSENSCHAFTLICHER BEIRAT DER REIHE:

G. Bongard-Levin (Moskau), S. Hansen (Berlin),
N. Makarov (Moskau), R. Munčaeu (Moskau), H. Parzinger (Berlin)

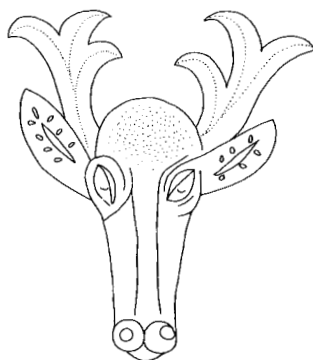
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

PONTUS SEPTENTRIONALIS III

Под редакцией

Татьяны М. Арсеньевой, Буркхарда Бёттгера, Аскольда И. Иванчика, Йохана Форнасье

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ:

Г. М. Бонгард-Левин (Москва), Н. А. Макаров (Москва)
Р. М. Мунчаев (Москва), Г. Парцингер (Берлин), С. Хансен (Берлин)

PONTUS SEPTENTRIONALIS III

Askold I. Ivantchik

Am Vorabend der Kolonisation

**Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden
des 8. – 7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition:
Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte**

Berlin Moskau 2005

PONTUS SEPTENTRIONALIS III

Аскольд И. Иванчик

Накануне колонизации

Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э.
в античной литературной традиции:
фольклор, литература и история

Москва Берлин 2005

ББК 63.3(0)3
И.23

Pontus Septentrionalis, III

Аскольд Игоревич ИВАНЧИК, Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва, Берлин, «Палеограф», 2005

Askold I. IVANTCHIK, Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.–7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte. Moskau, Berlin, Paleograph Press, 2005

Русское издание

*Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

- © Askold I. Ivantchik, 2005
- © Центр сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН, 2005
- © Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts, 2005
- © Paleograph Press, 2005

ISBN 5-89526-015-2 (Русское издание)
ISBN 5-89526-014-4 (Немецкое издание)

Ладе, Анне и Нике

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	12
ЧАСТЬ 1. ГРЕКИ И ЕВРАЗИЙСКИЕ НОМАДЫ В VIII – НАЧАЛЕ VII ВВ. ДО Н. Э. ЭПОХА ДО НАЧАЛА ПРЯМЫХ КОНТАКТОВ	14
Глава 1.1. «Млекоеды-доители кобылиц» гомеровской «Илиады» и проблема возникновения идеализации скифов	18
1.1.1. Гомеровские эпитеты и проблема идеализации номадов в «Илиаде»	19
1.1.2. Идеальные и идеализированные народы у Гомера. Эфиопы	23
1.1.3. Восприятие гомеровского пассажа N 3–6 в VI–V вв. до н. э. и проблема идеализации номадов в ранних текстах. «Каталог женщин», Эсхил и другие авторы	26
1.1.4. «Галактофаги» Эфора: идеализация номадов и Гомер. Последователи и противники Эфора	33
1.1.5. Александрийские филологи и их последователи о «млекоедах» и «абиях»	40
1.1.6. Посидоний об идеальных мисийцах	43
1.1.7. Полемика Страбона с его предшественниками	44
1.1.8. Рационализация гомеровского пассажа: Диофант и Александр Полигистор	46
1.1.9. Историки Александра о «скифах абиях»	47
1.1.10. Обзор древних толкований гомеровского пассажа	49
1.1.11. Локализация номадов «Илиады»	51
Глава 1.2. Киммерийцы гомеровской «Одиссеи»	53
1.2.1. Античные конъектуры и толкования пассажа	54
1.2.2. Образ гомеровских киммерийцев	56
1.2.3. Источник сведений автора «Одиссеи» о киммерийцах. «Одиссея» и «Аргонавтики»	59
1.2.4. Негомеровская традиция о причерноморской локализации ранних «Аргонавтик». Эя, Колхида и киммерийцы	62
1.2.5. Киммерийцы «Одиссеи» и номады «Илиады»	64
Глава 1.3. Черное море в древнейших представлениях греков	67
1.3.1. Черное море и Океан	67
1.3.2. Понтийский Ахилл и образ Понта	68
1.3.3. Ранние аргонавтики и представления о Черном море	82
1.3.4. Миф об Ифигении и представления о Черном море	85
1.3.5. Другие легенды, связанные с Понтом	98
1.3.6. Археологические данные о первых контактах греков с Северным Причерноморьем ...	105
1.4. Заключение	108

ЧАСТЬ 2. ГРЕКИ И ЕВРАЗИЙСКИЕ НОМАДЫ В VII В. ДО Н. Э. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ	110
Глава 2.1. Архаические лирики (Каллин Эфесский и Архилох) о падении Сард и Магнесии и позднейшая традиция	113
2.1.1. Каллисфен и его комментарии Каллина	113
2.1.2. Ранняя традиция о «несчастьях магнетов» (Архилох, Феогнид, Аристотель и другие)	116
2.1.3. Каллисфен о «несчастьях магнетов» и двойном взятии Сард	119
2.1.4. Самосская и приенская традиции о вторжении Лигдамиса	120
Глава 2.2. Гераклеяская традиция	127
2.2.1. Аконит	127
2.2.2. Локализация киммерийцев в Гераклее	129
2.2.3. Киммерийцы и фракийцы в гераклеяской традиции	131
2.2.4. Обработка гераклеяской традиции в литературе	132
Глава 2.3. Синопская традиция	135
2.3.1. Нимфа Синопа и амазонка Синопа	137
2.3.2. Традиция об Автолике, Деилеонте и Флогии	142
2.3.3. Традиция об основании Синопы милетскими переселенцами (Хаброн, Кой и Кретин)	143
2.3.4. Проблема «двойной колонизации» южного Понта	148
2.3.5. «Каталог троянцев» и проблема начала колонизации южного Понта	152
2.3.6. Хронологические данные Псевдо-Скимна и их источники	154
2.3.7. Проблема датировки основания Истрии и вторжения евразийских кочевников	155
2.3.8. Датировка основания Синопы и связанных с ним событий	158
Глава 2.4. Фрагмент скифского эпоса: Алкман о «колаксаевом коне»	162
2.4.1. Колаксай в античной литературе	163
2.4.2. Чудесные кони осетинского фольклора и «колаксаев конь»	164
2.4.3. Другие свидетельства знакомства Алкмана со скифами	166
Глава 2.5. Традиция об изгнании киммерийцев и «отважнейших псах»	169
2.5.1. Рассказ Полиена об «отважнейших псах» и киммерийцах	169
2.5.2. Сходные традиции в других малоазиатских центрах	171
2.5.3. Представления о воинах-псах и волках в скифской и других иранских и индоевропейских традициях	175
2.5.4. Воины-псы и воины-волки в осетинских представлениях. Институт <i>bałc</i> у скифов и осетин	183
2.5.5. Другие свидетельства о воинах-псах	187
Глава 2.6. Традиция о скифо-египетской войне и «первом владычестве» скифов в Азии	190
2.6.1. Образ Сесостриса в античной традиции	190
2.6.2. Геродот о Сесострисе и его войне со скифами	192
2.6.3. «Проегипетская» традиция IV–III вв. до н. э. (Феопомп, Аристотель, Дикеарх, Нимфодор, Аполлоний Родосский)	198
2.6.4. Диодор о Сесострисе и скифо-египетской войне и его источники	201
2.6.5. Дальнейшее развитие традиции. «Роман о Сесонхосисе» и «Роман об Александре»	204
2.6.6. «Проскифская» традиция. Помпей Трог, Арриан, Мегасфен и их источники	208
2.6.7. Валерий Флакк и Плиний о скифо-египетской войне	215
2.6.8. Иоанн Малала о скифо-египетской войне и его источники	216

2.6.9. <i>Общий обзор развития античной традиции о скифо-египетской войне</i>	218
Глава 2.7. «Скифское владычество» в Азии конца VII в. до н. э.	221
2.7.1. <i>Традиция о «втором владычестве» скифов в Азии. Образ Сколопита</i>	221
2.7.2. <i>Традиция о «третьем владычестве» скифов в Азии и «рабской войне»</i>	224
2.7.3. <i>Проблема датировки скифского похода в Палестину</i>	229
2.7.4. <i>Скифополь – Бет-шеан и скифы</i>	241
2.7.5. <i>Скифское господство в Азии: история и устная традиция</i>	243
2.8. Заключение	245
БИБЛИОГРАФИЯ	247
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	280
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	282
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ	283
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН	297
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	306

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой первую часть моей кандидатской диссертации, защищенной в июне 1996 в Университете Фрибура (Швейцария). Она является результатом исследований, которые я вел с конца 80-х годов в Москве, Фрибуре (1990–1992) и Гейдельберге (1993–1995). Основной текст был завершен в сентябре 1995 г., ряд изменений и дополнений, не затронувших, впрочем, сути исследования, я смог сделать при подготовке окончательного варианта данной работы во время моего пребывания в 1996–1997 в Центре эллинских исследований в Вашингтоне (США) и в последующие годы.

Я благодарен многим лицам и учреждениям, помогавшим мне во время работы. В первую очередь я хочу назвать моего учителя Эдвина Арвидовича Грантовского, с которым я регулярно обсуждал важные аспекты этой работы до его трагической гибели в 1995 г. Многим я обязан Г. М. Бонгард-Левину, который часто оказывал мне поддержку во время моей работы в Москве, сначала в Институте востоковедения, а затем в Центре по сравнительному изучению древних цивилизаций Российской Академии наук. Я благодарен Марселю Пьерару, Харальду Хауптманну, Карлхайнцу Деллеру, Курту Раафлаубу и Деборе Бедекер, которые способствовали моей успешной работе во Фрибуре, Гейдельберге и Вашингтоне. Марсель Пьерар, Харальд Хауптманн и Жак Скамп выступили рецензентами моей диссертации, высказав при этом ряд полезных замечаний и соображений. Я благодарен всем коллегам, которые на разных стадиях работы знакомились с разными ее частями и делились со мной своими соображениями и замечаниями, позволившими улучшить окончательный текст, особенно В. Буркерт и Г. Коссаку, а также Г. Бауэрсоку, А. Брессону, Ю. Г. Виноградову, И. М. Дьяконову, Ш. Меркле, С. Р. Тохтасьеву, Х. Хайнену, Б. Хальперну. Я благодарен Аделе Билль, вместе с которой мы готовили немецкий текст книги, и Герману Парцингеру, а также Бурхарду Беттгеру и Йохану Форнасье, которые взяли на себя труд его окончательного редактирования. Особо я хочу поблагодарить Кантон Фрибур, Фонд Александра фон Гумбольдта и Центр эллинских исследований (Вашингтон), стипендиатом которых я был и чья щедрая поддержка позволила проведение моих исследований. Окончательный вариант книги был подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие Евразии».

Москва, июнь 2003

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений между античной цивилизацией и миром евразийских степей часто привлекала внимание исследователей. При этом как правило изучались отношения между греческими колониями Северного Причерноморья и жителями прилегающих степных районов — прежде всего скифами и сарматами. Это неудивительно — в результате колонизации северного побережья Черного моря начиная с третьей четверти VII в. до н. э. именно припонтийские греки стали основными посредниками в отношениях евразийских номадов с античным миром. Однако история этих отношений началась значительно раньше, чем была основана первая греческая колония в Северном Причерноморье. Греки прибыли сюда уже будучи неплохо осведомлены об этнографическом облике и культуре евразийских кочевников. Представления о них, которые греки имели к началу колонизации Причерноморья, складывались из разных источников. Прежде всего, это слухи, которые становились им известны до начала непосредственных контактов со степным миром, видимо, в основном от северных соседей. Евразийские кочевники в это время не представляли особого интереса для греков и воспринимались как очень далекий народ (или народы), живущий на периферии обитаемого мира. Имевшаяся информация о них была весьма скудной и неопределенной. К этому периоду относятся гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея», в которых сохранились единичные упоминания о евразийских номадах.

Положение существенно изменилось примерно во второй четверти VII в. до н. э. В это время кочевники, вторгавшиеся через Кавказ в Переднюю Азию начиная с предпоследнего десятилетия предыдущего столетия, появились в Лидии и Ионии и вошли в непосредственное соприкосновение с малоазийскими греками. Первые группы кочевников, с которыми столкнулись греки, называли себя киммерийцами (название в разных формах сохранилось в греческой, аккадской, древнееврейской, армянской и других передачах). Примерно на полстолетия позже здесь появились и представители родственного им народа скифов. Киммерийцы и скифы играли существенную роль в политической жизни Передней Азии и Анатолии в течение почти столетия и сошли с исторической арены примерно в начале VI в. до н. э. В течение этого периода основная информация о евразийских номадах поступала к грекам в результате прямых контактов с их отрядами, происходивших на территории Малой Азии. Разумеется, в это время сильно возрос интерес греков к кочевникам, представлявшим для них непосредственную угрозу. В результате прямых контактов сильно увеличился объем и достоверность информации, которой они располагали.

Исчезновение кочевников из Малой Азии и примерно совпавшее с ним по времени освоение греками северного побережья Черного моря начали новый этап отношений между ними и степняками. Область основных контактов между античным миром и кочевниками переместилась из Малой Азии на западную периферию евразийских степей; сменился характер и непосредственные участники контактов. Отношения между колонистами и местными народами стали гораздо более глубокими и двусторонними, и именно понтийские греки отныне стали основным источником сведений античного мира о евразийских степях и их населении. Греки имели теперь дело не с военными отрядами, осуществлявшими набеги на их соседей и собственно греческие города, а с народами, живущими в естественной для них среде обитания.

Как уже говорилось, основное внимание исследователей было посвящено именно отношениям между припонтийскими греками и их соседями. Предыдущий, доколониционный, период отношений степняков с античным миром специально практически не исследовался. В то же время античные представления о степных варварах формировались именно в это время. Впоследствии они существенно менялись из-за изменения характера отношений со степняками, однако многие представления, восходящие к раннему периоду, и сформировавшиеся на их основе традиции сохранялись в античной литературе вплоть до византийской эпохи. В течение всего этого времени они продолжали влиять на античную традицию о евразийских номадах, обрастали комментариями и служили элементами различных ученых построений. Поэтому для того, чтобы адекватно представить себе историю отношений между античной цивилизацией и степняками, необходимо специально проанализировать самый ранний период этих отношений, существенно отличавшийся от последующих, и выделить восходящие к нему элементы античной традиции. Именно это и является задачей данной работы. Такая задача объясняет тот факт, что ряд греческих текстов, содержащих сведения о ранней истории степняков, я предпочел оставить в стороне. Это касается, в частности, Геродота, основная информация которого восходит к более позднему времени, относящемуся уже к периоду существования греческих колоний Причерноморья. Эти сведения частично проанализированы мной в другом месте. Цель исследования определяет и его хронологические рамки. Нижняя граница определяется прежде всего датой гомеровских поэм — самых ранних известных греческих письменных памятников, начиная с которых мы можем говорить о развитии античной традиции. Верхняя граница — рубеж VII–VI вв. до н. э. — определяется двумя событиями, о которых речь шла выше. В это время с исторической арены сходят малоазиатские отряды киммерийцев и скифов. Начавшаяся в третьей четверти VII в. до н. э. колонизация Северного Причерноморья приобретает широкие масштабы. Соответственно резко меняются условия и характер отношений между греками и степным миром.

Данная книга включает две части. Первая посвящена периоду до начала непосредственных контактов греков со степняками. Ее задачей является реконструкция представлений о степных кочевниках, которые имели современники Гомера. Здесь же анализируются и древнейшие представления греков о Черном море, которые существовали у них до начала колонизации его берегов. Эти представления сильно отличались от тех, которые были характерны для греков последующей эпохи: после основания понтийских колоний Черное море было достаточно быстро освоено и стало для них столь же знакомым, как и Эгейское. От старых представлений сохранились лишь незначительные следы, в первую очередь в мифологических традициях, однако они позволяют реконструировать древнейшие, доколониционные представления. Во второй части рассматриваются свидетельства о контактах греков и кочевников в VII в. до н. э. и сложившиеся у первых в результате этих контактов представления о номадах. Кроме анализа прямых свидетельств литературных текстов этого времени, предпринимается попытка восстановить связанные со степняками устные традиции, которые существовали в Малой Азии и получили письменную фиксацию значительно позже. Специальное внимание в обеих главах уделяется проблеме влияния этих представлений на дальнейшее развитие античной традиции.

ЧАСТЬ 1

Греки и евразийские номады в VIII – начале VII вв. до н. э. Эпоха до начала прямых контактов

Древнейшие в античной литературе сообщения о евразийских номадах происходят из гомеровских эпических поэм, «Илиады» (N 3–6) и «Одиссеи» (λ 14). Проблема датировки создания и письменной фиксации этих двух поэм многократно дискутировалась. Я не могу рассматривать ее здесь подробно, отмечу лишь, что наиболее обоснованным мне представляется мнение о том, что поэмы были созданы в пределах второй половины VIII в. до н. э. — «Илиада» ближе к ее началу, а «Одиссея» — концу¹. Обе они, очевидно, были записаны сразу после создания самим автором или под его диктовку², или же ненамного позже. Вполне возможно, что идея записи длинных эпических поэм и создания письменного эпоса могла быть заимствована греками с Ближнего Востока, где такая практика существовала с древнейших времен, вместе с самой письменностью³. В определении времени записи гомеровских поэм особую роль играет так называемый «кубок Нестора» третьей четверти VIII в. до н. э. с о. Питекуссы⁴, надпись на котором, вероятно, содержит аллюзию на Гомера, и во всяком случае свидетельствует о существовании уже в это время развитой традиции записи гекзаметров и, вероятно, поэтических книг.

¹ См. Wilamowitz-Moellendorf 1916, 356–376; Schadewaldt 1959, 87–129; Lesky 1967, 693; Kirk 1985, 1–10; Morris, 1986, 91–115. В последнее время в пользу этой даты см. например Stieglard 1995, 201–288 (конец VIII или начало VII вв. до н. э.); Morris 1997, 535–559; Snodgrass 1997, 560–564; Raaflaub 1997, 625–628; Tandy 1997, 8–12; Thalmann 1998, 9–10; Dougherty 2001, 12. Против Burkert 1976, 5–21, где предлагается датировать «Илиаду» временем после 663 г. до н. э., когда, после разграбления столицы Верхнего Египта Ашшурбанипалом, до народов Восточного Средиземноморья впервые, по мнению автора, дошли слухи о ее богатстве. Этот аргумент, однако, не кажется вполне убедительным, ср. Heubeck 1982, 442–443. Даже если предположить, что в основе гомеровской фразы лежит реальная информация о богатстве египетских Фив, что само по себе не очевидно, то слухи о нем могли доходить до греков и раньше. Разгром Ашшурбанипалом Фив не представляет, на мой взгляд, жесткого *terminus post quem* для датировки «Илиады». Ср. по поводу этого пассажа, который к тому же, возможно, интер-

полирован: Froidefond 1971, 30–35. Ср. также West 1995, 203–219, где предлагается датировка «Илиады» между 670 и 640 г. до н. э., на мой взгляд завышенная, ср. ниже об образе киммерийцев в «Одиссее». К этой датировке присоединяется также Osborne 1996, 157–159. Еще более позднюю датировку поэм см. Dickie 1995, 29–56 (вторая половина VII в. до н. э.); Jensen 1980; Ballabriga 1998, *passim* (VI в. до н. э.). Ruijgh 1995, 1–92; Malkin 1998, 262–273, напротив, предпочитают датировать поэмы IX в., Powell 1991, 187–220 — первой половиной VIII в. до н. э.

² Аргументы в пользу того, что поэмы были записаны под диктовку Гомера см. Janko 1990, 326–334; Janko 1998, 1–13. Ср. о невозможности длительной устной передачи гомеровского текста Parry 1966, 177–216; Morris 1986, 83–86; Powell 1991, 189–190, *pace* Nagy 1996, 109–112; Nagy 1996a, 29–112, который связывает первую письменную фиксацию поэм с Писистратидами.

³ Kullmann 1992c, 154–155; Malkin 1998, 267–268.

⁴ Первая публикация: Buchner, Russo 1955, 215–234. Ср.

Поэмы Гомера стоят в конце длительной традиции устного эпического творчества и их автор, несомненно, сам принадлежал этой традиции, на нее опирался и черпал из нее свой материал. Однако запись поэм придала им новое качество и зафиксировала то состояние устной эпической традиции, в котором она находилась в момент записи, непосредственно последовавшей или одновременной с созданием самих поэм. Гомеровский текст не подвергался более тем существенным изменениям, которые неизбежны в устной традиции, и его дальнейшая история подчинялась законам передачи письменного, а не устного текста. В соответствии с этим гомеровские поэмы отражают прежде всего ту картину мира и те представления, которые были характерны для греков эпохи создания и письменной фиксации поэм, хотя некоторые незначительные реминесценции более ранних эпох, вплоть до микенской, входили в общий фонд эпической традиции и, разумеется, использовались и Гомером⁵. Таким образом, мы можем опираться на гомеровские поэмы при воссоздании тех представлений (в данном случае — представлений о евразийских номадах и Черном море), которые были характерны для греков второй половины VIII в. до н. э.

Проблема конституции текста Гомера чрезвычайно сложна и не может считаться до конца решенной. В доалександрийское время, видимо, существовал значительный разнобой в его рукописях. Они различались не только отдельными словами, но и количеством строк, часть из которых могла вноситься в текст рапсодами, исполнявшими поэмы (устное исполнение поэм и устная рапсодическая традиция сосуществовали с письменной передачей текста по меньшей мере до эллинистической эпохи, см. Athen. XIV, 620 b – d), а часть появилась в результате сознательной фальсификации (см. Plut. Thes. 20, 1–2; Schol. A ad Г 230, Δ 273; Schol. B ad В 557, ср. Strabo IX, 1, 10; Diog. Laert. I, 48 и др.).

В схолиях к Гомеру упоминаются версии, принятые в разных городах (πολιτικά (scil. ἐκδόσεις)), из которых чаще других массалиотское, и издания, составленные отдельными людьми (διωρθώσεις, ἐκδόσεις κατ' ἀνδρα)⁶, из которых наиболее известны принадлежавшие Антимаху из Колофона, Еврипиду Младшему и Аристотелю (так называемое ἢ ἐκ τοῦ ἀρθήκος; Plut. Alex. 8, 2; Strabo XIII, 1, 27). По-видимому, все эти издания достаточно сильно отличались от того, что легло в основу всех известных нам рукописей и значительной роли в истории текста Гомера не сыграли, хотя и использовались alexandрийскими филологами. Во всяком случае, это верно для текста, принадлежавшего Аристотелю⁷ и Платону⁸. По-видимому, в основе так называемой рукописной вульгаты лежит афинская версия текста Гомера, которой придерживались рапсоды, исполнявшие его поэмы во время Панафиней⁹.

После создания alexandрийской библиотеки, куда были собраны самые разные рукописи Гомера, начался новый этап истории его поэм, характеризующийся бурной деятельностью alexandрийских филологов по критическому изданию и реконструкции их подлинного текста. Наибольшие заслуги здесь принадлежат Зенодоту Эфесскому (первая половина III в. до н. э.), Аристофану Византийскому (вторая половина III – начало II в. до н. э.) и Аристарху Самофракийскому (около 215 – около 145 гг. до н. э.). Об их деятельности мы знаем в основном из позднеантичных и византийских

Russo 1993, 745–750, Tav. 72–73, здесь же см. библиографию работ о «кубке Нестора», опубликованных до 1991 г.: Vox 1993, 751–765. О связи этой надписи с развитым письменным стихотворным творчеством см. также West 1994a, 9–15 (предполагает, что надпись имеет в виду не «Илиаду», а другую поэму, но соглашается с тем, что эта гипотетическая поэма была уже записана); Murray 1994, 47–54; Cassio 1994, 55–67; Malkin 1998, 156–160; Lambolley 2001, 29–39.

⁵ Об этом см. особенно Morris 1986, 81–138. Ср. Kullmann

1993, 129–147.

⁶ См. о них Citti 1966, 227–267; Haslam 1997, 69–70.

⁷ La Roche 1866, 23–31; ср. Nardelli 2001, 74–75.

⁸ La Roche 1866, 32–36; Labarbe 1949; ср. Nardelli 2001, 73–74.

⁹ Chantraine 1973, 5–16; Davison 1962, 223–225; Haslam 1997, 82–84. Специально о писистратовской рецензии Гомера см. Allen 1924, 225–248; Merkelbach 1952, 23–47; Davison 1955, 1–21.

схолий к Гомеру¹⁰, а схолиасты, в свою очередь, пользовались не самими изданиями и трудами александрийцев, а посвященными им сочинениями грамматиков римского времени, таких как Дидим, Аристоник, Никанор и Геродиан, да и то не в оригинале, а в сокращениях. Деятельность александрийских и более поздних филологов еще более затрудняет задачу реконструкции текста Гомера, поскольку ее результатом было проникновение в текст многих произвольных и неверных конъектур, чаще всего основанных на нормализации грамматики или толкованиях текста¹¹.

Важным источником по истории текста Гомера являются египетские папирусы, сохранившие достаточно значительные фрагменты его поэм¹². Фрагменты, относящиеся к III – первой половине II вв. до н. э., демонстрируют сильный разбой в чтениях и отсутствие единой традиции, причем многие из них существенно отличаются от известного сейчас текста. Этот разбой прекращается во второй половине II в. до н. э., и с этого времени можно говорить о существовании «стандартного» текста Гомера, легшего в основу и известных нам византийских рукописей¹³. Это обстоятельство следует связывать с деятельностью Аристарха, хотя из известных нам 874 его чтений только 80 сохранились во всех известных рукописях, 160 в большинстве и 132 ни в одной¹⁴. По-видимому, в основу своего издания Аристарх, в отличие от своих предшественников, положил панафинейский текст Гомера, исправляя его в тех случаях, когда считал чтения других источников или собственные конъектуры лучшими, что и отмечал в своем комментарии (ὁλόμνησα). Этот текст и стал стандартным, однако в широких кругах читателей Гомера растерял большую часть разночтений, обозначение которых было предназначено для специалистов¹⁵. При этом зачастую выпадали чтения, одобренные самим Аристархом, а в тексте оставались те, с которыми он был не согласен. Таким образом, в основе «вульгаты» Гомера лежит панафинейский вариант его текста, принявший некоторые поправки Аристарха, а возможно и других, более поздних, филологов. Этот текст стал источником всех поздних свидетельств о Гомере, как цитат у авторов, так и рукописей и папирусов¹⁶.

В настоящее время известно 75 рукописей «Одиссеи», относящихся ко времени с X по XVIII вв. Старейшими и наиболее авторитетными из них являются Laurentiani 32, 24 (L⁴) и 52 (L⁸), обе X–XI вв., Palatinus 45 (Pal) 1201 г. и Harleianus 5674 (H³) XIII в. «Илиада» известна в большем количестве рукописей — Т. Аллен их насчитывает 188. Важнейшими из них являются Veneti 454 (A) X в. и 453 (B) XI в., Laurentianus 32.15 (D) X в., Genavensis 44 (Ge) XIII в. и Musei Britannici Burney 86 (T) 1059 г. К сожалению, проблема рукописной традиции Гомера до сих пор недостаточно ясна. Не имеется общепризнанной стеммы рукописей Гомера, и, видимо, построение подобной стеммы невозможно в принципе, поскольку вся рукописная традиция в условиях пристального многовекового филологического изучения текста Гомера контаминирована¹⁷.

¹⁰ См. их характеристику: Dindorfius 1855, I–LXXII; Mazon 1959, 74–88; Erbse 1969, XI–LXXII.

¹¹ О деятельности этих филологов см. подробно Lehrs 1882³; Düntzer 1848; La Roche 1866; Ludwig 1884–1885; Roemer 1924; van der Valk 1949; Erbse 1959, 275–303; Pfeiffer 1978; Nickau 1977; Apthorp 1980; Slater 1986; Lührs 1992; Nagy 1996, 114–206 и др.

¹² Pack 1965, 49–72; Davison 1956, 51–58; del Corno 1961, 3–54; West 1967. Новые публикации гомеровских папирусов и содержащиеся в них разночтения см. в базе данных Homer and the Papyri, ed. G. Nagy, C. Dué, M. Ebbott, D. Yatromanolakis: <http://chs.harvard.edu/homerpapyri>.

¹³ Haslam 1997, 63–69.

¹⁴ Lesky 1971, 97. Ср. Allen 1924, 304–305.

¹⁵ Ср. Davison 1962, 223–224; Haslam 1997, 84–87.

¹⁶ Ср. уже Wolf 1795, 257. Встречающиеся у поздних авторов, особенно у Плутарха и Страбона, гомеровские цитаты, расходящиеся с «вульгатой», по всей видимости восходят не к доалександрийским рукописям, а заимствованы этими авторами у их предшественников, цитировавших Гомера по доаристарховому тексту, ср. West 1967, 15; Haslam 1997, 77–79.

¹⁷ La Roche 1866, 481 ff; Allen 1910, 1–85; Allen 1931, ср. Wecklein 1915; Chantraine 1959; Tachinosis 1984; Haslam 1997, 89–99; Nardelli 2001, 41–118. Главные издания Гомера: editio princeps: Demetrios Chalkokondyles (Firence 1488). Критические издания: D. B. Monro, Th. W. Allen (Oxford 1917–1919², 1920³) (стандартное издание); J. La Roche (Lipsiae 1867,

Насколько известно, в эпоху создания гомеровских поэм греки еще не вступили в непосредственные контакты с евразийскими номадами, и во всяком случае эти контакты были крайне редкими. Гомеровские поэмы, таким образом, позволяют судить о том, что было известно грекам об этих кочевниках во второй половине VIII в. до н. э. Гомеровские свидетельства, однако, сильно мифологизированы и сложны для анализа. Достаточно сказать, что связанная с их пониманием полемика была чрезвычайно активной уже в эллинистическое время и, несмотря на более чем двухтысячелетнюю историю изучения, до сих пор исследователи не пришли к общепризнанным выводам. Рассматривая гомеровские свидетельства, нам неизбежно придется разбирать и разнообразные их толкования — как античные, так и современные, тем более, что последние зачастую являются лишь продолжением первых. Необходимость рассмотрения не только самих гомеровских текстов, но и связанных с ними схолиев, лексикографических данных и подобных, диктуется и изложенными выше особенностями истории текста «Илиады» и «Одиссеи».

1873); A. Ludwich (Lipsiae 1889, 1902); Th. W. Allen (Oxonii 1931) («Илиада», editio maior); P. von der Mühl (Basel 1946, 1955², 1962³) («Одиссея»); P. Mazon (Paris 1947–1955)

(«Илиада»); P. Bérard (Paris 1945–1947²) («Одиссея»); H. van Thiel (Hildesheim 1991, «Одиссея»; 1996, «Илиада»); M. L. West (Stuttgart, 1998–2000, «Илиада»).

ЧАСТЬ 2

Греки и евразийские номады в VII в. до н. э. Первые контакты

Впервые греки непосредственно столкнулись с евразийскими номадами во время походов последних на территорию Малой Азии. Появившись сначала в Закавказье, номады достаточно быстро стали продвигаться на запад, вступая в конфликты с восточными державами (Урарту, Ассирией, Фригией). Вскоре их отряды достигли Лидии и греческих городов Ионии, где греки впервые и познакомилась с ними близко. Благодаря свидетельствам аккадских источников, это событие может быть датировано достаточно точно: первые набеги евразийских номадов на Лидию датируются концом 70-х – началом 60-х гг. VII в. до н. э.¹ Как явствует из тех же источников, та группа евразийских номадов, с которой впервые столкнулись греки, называлась киммерийцами.

Прямые столкновения греков и лидийцев с киммерийцами привели к радикальному изменению представления о последних. От гомеровского полумифического образа «народа и города» киммерийцев, находящихся у входа в Аид, не осталось и следа. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить разобранный выше свидетельством Гомера с немногочисленными дошедшими до нас фрагментами лирических поэтов, бывших современниками столкновений греков с киммерийцами в Малой Азии.

Кроме этих немногочисленных и достаточно случайных упоминаний степных кочевников в ранней лирике, сведения об их вторжениях сохранялись, очевидно, в основном в устной традиции. Эта традиция получила письменную фиксацию не раньше конца VI в. до н. э., когда возникает ионийская проза, а скорее всего, еще позже, в течение V в. до н. э. Таким образом, по меньшей мере сто первых лет своего существования большая часть античной традиции, связанной с ранними контактами греков и евразийских номадов, передавалась в устной форме и, следовательно, была подвержена всем особенностям развития фольклора. Видимо, здесь речь должна идти прежде всего об «устных новеллах», специфической городской фольклорной форме, широко распространенной в греческих городах Малой Азии и использовавшейся ионийскими логографами, включая Геродота, в качестве основного источника информации².

¹ См. Ivantchik 1993, 95–97; Иванчик 1996, 100–103, ср. выше, 1.2.5.

² См. подробно, с описанием стилистических и структурных особенностей этих новелл Hauxrath 1914, 441–461; Howald

1923, 127–146; Aly 1921, особ. 236–263; Aly 1925, 196–212; Доватур 1957; Trenkner 1958, 1–5, 23–24. О значении устной традиции для Геродота, которое особенно подчеркнул А. Момильяно (Momigliano 1966, 127–135, 211–217), из

Сохранявшиеся в местной традиции сведения о нашествиях кочевников могли быть весьма точными. Так, к этой традиции, очевидно, восходит сообщение Страбона (I, 3, 21) о походах киммерийского царя Лигдамиса, которое содержит деталь, подтвержденную аккадскими надписями — его гибель в Киликии. Вероятно, этой традиции были известны не только место гибели Лигдамиса, но и ее обстоятельства. Как показывают сообщения Каллимаха (Ad Dian. III, 251–258; fr. 75, 23 Pfeiffer, ср. выше, 1.1.5), гибель Лигдамиса приписывалась мести Артемиды Эфесской, что более соответствует смерти от внезапной болезни, чем гибели в бою. При этом поздняя версия «анналов» Ашшурбанипала (редакция IT, 159–161), составленная вскоре после смерти Лигдамиса, показывает, что он действительно умер от болезни и весьма красочно описывает ее симптомы: «Он обезумел и в безумии кусал свои пальцы. Половину его тела разбило ударом, острая боль прон[зила его внутренности] (буквально: «шип возник у него внутри»), его язык был истерзан (?), его член отпал (стал вялым?). В выделениях и истечениях, стогах и стенаниях он испустил дух»³. Столь же точная информация о походах Лигдамиса, также сохранявшаяся первоначально в устной традиции, приводится в письме Лисимаха к гражданам Самоса, которое содержит даже точное число лет, в течение которых киммерийцы контролировали местность Батинетида на побережье поблизости от Самоса (см. ниже, 2.1.4).

Возможно, с устной традицией связано также сообщение Аристотеля о том, что киммерийцы в течение ста лет жили в Антандре (Aristot. apud Steph. Byz. s.v. = Plin. N.h. V, 123). Однако о конкретном содержании этой традиции судить трудно, поскольку, кроме самой этой цифры, никаких других сведений о ней не сохранилось.

Несомненно, к фольклорной новелле восходит сохранившееся в составе словаря Стефана Византийского (s.v. Συασσός) сообщение о пребывании киммерийцев во Фригии: Συασσός· κόμη Φρυγίας· ἐν ταύτῃ τῇ κόμῃ φασὶ Κιμμερίους εὐρεῖν ἐν στροῖς τεθησαυρισμένας μυριάδας πυρῶν, ἀφ' ὧν αὐτὸν ἐπὶ πολὺν χρόνον διατραφῆναι — «Сюасс, фригийская деревня. Говорят, что в этой деревне киммерийцы нашли хранившиеся в подземных зернохранилищах десятки тысяч (медимнов) зерна, которым они там питались долгое время». По этому сильно сокращенному и прошедшему, очевидно, через большое количество посредников сообщению невозможно восстановить первоначальный сюжет новеллы. Однако его характер и конкретная привязка к определенному населенному пункту свидетельствуют о том, что в основе сообщения лежит местная традиция фольклорного характера. Возможно, эта легенда была αἴτιον какой-нибудь местной достопримечательности.

Не исключено, что в основе этой новеллы лежит некое реальное событие, связывавшее киммерийцев с деревней Сюасс. Во всяком случае, само пребывание киммерийцев во Фригии вполне достоверно. Оно свидетельствуется, с одной стороны, античной традицией, согласно которой фригийский царь Мидас покончил с собой во время нашествия киммерийцев, а с другой некоторыми данными клинописных текстов. Появление киммерийцев во Фригии и, вероятно, их последующие совместные

недавних работ см. с дальнейшей литературой Schepens 1980, passim; Murray 1987, 93–115; Raaflaub 1988, 197–225; Cobet 1988, 226–233; Thomas 1992, 101–113; Burkert 1995, 139–148.

³ Ср. новое издание надписи из храма Иштар: Fuchs 1996, 287–288, 295, хуже сохранившийся несколько более полный текст призмы редакции J см. теперь Borger 1996, 197, 251. Высказанные недавно Х. Заутером сомнения в отождествлении Лигдамиса греческих источников и Дугдамме ассирийских текстов (Sauter 2000, 235–237) лишены серьезных оснований. То же касается и его сомнений в отождествлении греческих Κιμμέριοι с аккадскими Gimirtāia (в обсуждаемых им текстах на самом деле Gimī/ergāia, в чем автор не отдает себе отчета). Посвященная ассирийским текстам часть его

книги (Sauter 2000, 217–248) в целом обнаруживает слабую осведомленность автора о связанных с ними проблемах, что зачастую приводит его к весьма спорным и сомнительным выводам (например, о том, что киммерийцы в 714 г. до н. э. составляли часть ассирийской армии, и связанная с этим реконструкция событий, в целом совпадающая с гипотезой А. Кристенсен: Kristensen 1988, ее критику см. Ivantchik 1993, 51–53; Иванчик 1996, 55–58). Замечу, что и вся книга в целом весьма поверхностна и содержит ряд прямых ошибок, а свои выводы автор часто формулирует на основании сомнительных гипотез, выдаваемых за факты, или вовсе обходится без серьезной аргументации.

действия с фригийцами датируются примерно 70-ми годами VII в. до н. э. Связанная со смертью Мидаса античная традиция (Strabo I, 34, 21; Eustath. Ad Od. λ 14, ср. Euseb. Hier. 92a Helm, Arm. 184 Karst; Hellenic. FGrHist 4 F 85) и соответствующие аккадские тексты подробно рассмотрены мной в другом месте⁴, что позволяет перейти к анализу других традиций, связанных с пребыванием евразийских номадов в Малой Азии.

⁴ Ivantchik 1993, 68–74; Иванчик 1996, 71–77. Ср. Muscarella 1989, 333–344. Автор принимает распространенную, но на мой взгляд ошибочную, датировку Мидаса античной традиции VIII в. до н. э. и рассматривает в основном археологические свидетельства контактов между греками и фригийцами в эту эпоху. Ср. также Parker 1993, 28–31. Предлагаемая им датировка разрушения фригийского царства и гибели Мидаса после 665 г. до н. э. основывается лишь на общих рассуждениях и не кажется достаточно обоснованной. Bossert 1993, 287–292 предполагает, что в античной традиции сохранились сведения о трех разновременных Мидасах, в том числе одном, относящемся к XV в. до н. э. (!), причем считает

все три сохранившиеся у античных хронографов даты достоверными. На мой взгляд, это предположение ошибочно. Образ Мидаса соединил в себе всю доступную грекам информацию о Фригии, причем античные авторы всегда считали, что речь идет об одном единственном царе. Все предлагаемые датировки его смерти не принадлежат традиции, а являются результатом поздних калькуляций, которые имеют очень мало шансов дать достоверный результат. Расходятся они потому, что различные хронографы в основу своих подсчетов клали различные сведения, ср. литературу в процитированных выше работах.